

О профетической миссиі

СЛОВА И МЫСЛИ

(К ПОНИМАНИЮ СВОБОДЫ)

Происходившій в Парижѣ (в августѣ 1935 года) интернаціональный съѣзд писателей наводит на печальныя мысли о социальном значеніи лжи. Я имѣю тут ввиду не сознательную лично-корыстную ложь, а ложь признанную социалью полезной в борьбѣ. Прагматическая философія учила, что истина узнается по ея полезности для жизни. Но с гораздо большим основаніем можно было бы учить о полезности для жизни лжи, о прагматическом характерѣ лжи. Истина гораздо менѣе полезна в борьбѣ, чѣм ложь. Коммунисты дѣлят мір на двѣ части, на два лагеря. Это дѣленіе, совершенно ложное с точки зрѣнія истины, оказывается очень полезным в борьбѣ. Ложь несет социалью полезную функцію. Дѣленіе на два лагеря есть дѣленіе чисто военное. Оно заинтересовано не в истинѣ, а в полезности для побѣды. Сейчас мір дѣлят на два лагеря — коммунизм и фашизм, и предлагают сдѣлать выбор. Вы обязаны быть коммунистом или фашистом, вы дѣлаетесь фашистом уже тѣм самым, что вы не коммунист. Под знаком этого дѣленія в сильной степени стоял и съѣзд писателей. Чтобы бороться за свободу слова и культурнаго творчества против насилій фашизма, особенно фашизма нѣмецкаго, объединились с коммунистами. И, это, конечно, свидѣтельствует о политической организованности съѣзда, о зависимости писателей от международной политики, о прагматической полезности условной лжи. В дѣйствительности, если интересоваться чистой правдой, то нужно признать, что коммунизм и фашизм — враги, которые как двѣ капли воды похожи друг на друга. Это явленія одного порядка. Я предпочитаю коммунизм фашизму по многим причинам, но и тот и другой есть

явление господства масс, выдвигающих своих вождей, есть коллективизация сознания и совести, отрицание ценности человеческой личности и свободы духа, абсолютизация государства, которое дѣлается тоталитарным, примат государственного, экономического и технического строительства над творчеством культуры, допущение каких угодно средств для реализации своих цѣлей. Сталинизм есть несомнѣнное перерождение коммунизма в своеобразный русский фашизм. В сталинизмъ свободы во всяком случаѣ не болѣе, чѣм в гитлеризмъ, слово и мысль совершенно подавлены. Критерій истины и там и здѣсь не в личной совѣсти и сознании, а в коллективной совѣсти и сознании. И коммунизму и фашизму, как системам имперсоналистическим, противоположен персонализм, признающій верховную цѣнность всякой человеческой личности, свободу личной совѣсти, мысли и слова. Это и есть настоящее противоположение. И совершенно также персонализм противоположен капиталистической системѣ, превращающей человеческую личность в вещь и средство. Именно персонализм интересуется истиной по существу, хотя бы она была бесполезной и даже вредной. Даже христіанство сумѣли превратить в социальную полезную ложь. Это и есть дѣло Великаго Инквизитора. Возможно, что принятие чистой истины христіанства не только не оказалось бы полезным для организациі жизни в этом мѣрѣ, но привело бы к разрушению и распаденію этого мѣра. Этой чистой истины требует персонализм, который и есть единственная послѣдовательная революція.

Совершенно ясно, что на съѣздѣ происходило непрерывное недоразумѣніе по вопросу о свободѣ. Западно-европейское пониманіе свободы, связанное с традиціями гуманизма, и совѣтско-коммунистическое пониманіе совершенно разныя вещи. Поэтому только и возможна стала такая ложь, как убѣжденіе многих французских писателей в существованіи в Совѣтской Россіи свободы творчества. Поэтому писатели всѣх стран, соединившіеся для защиты свободы творчества против насилія над словом и мыслью, не протестовали против отрицанія свободы в Совѣтской Россіи. Коммунистическая Россія есть по преимуществу страна принудительнаго, сверху организованнаго един-

ства мысли, творчества, слова, страна совершенного тоталитарного государства, претендующего владѣть человѣческими душами. Вопреки мнѣнію А. Жида, коммунистическое царство теоретически и практически отрицает реальность и цѣнность всего частнаго, индивидуальнаго, личнаго, для него цѣнно и реально лишь «общее». Все, что не общее, принудительно подавляется. Вы не можете мыслить, судить, творить в конфликтѣ и противленіи с «общим». Поэтому марксист-коммунист не способен к занятію психологіей, психологія исчерпывается ругательствами по адресу «классоваго врага». Поражает наивность и иллюзія А. Жида, который играл центральную роль на съѣздѣ. Присоединеніе к коммунизму А. Жида, стараго гуманиста и индивидуалиста, самаго асоціального из писателей Франціи, есть очень значительный факт в драмѣ переживаемой европейской культурной элитой. Я вѣрю в искренность Жида. Мнѣ приходилось с ним вести длинный разговор о коммунизмѣ. Я не думаю, что Жид измѣнил себя. Он в своей рѣчи на съѣздѣ продолжает называть себя индивидуалистом. Он понимает коммунизм, как организацию соціальной возможности расцвѣта индивидуума. Как типичный француз, Жид хочет соединить Маркса с Монтенем. Всѣ французы гуманисты, от Шарля Моррасса до коммуниста Низана, от томистов до воинствующих либр-пансеров. И это как раз и затрудняет пониманіе русскаго коммунизма, который есть синтез Маркса не с Монтенем, а с Іоанном Грозным. Совершенно ясно, что Жид не примет тоталитарнаго коммунизма, цѣлостнаго коммунистическаго міросозерцанія, он берет в коммунизмѣ то, что ему нравится. Он хочет сохранить за собой свободу творчества, свободу сужденій в вопросах, не касающихся соціальнаго устроенія, гдѣ он готов подчиниться коммунизму. В понятіе свободы для Жида, конечно, входит право печатать свои произведенія или, на примѣр, распространять Евангеліе, которое он продолжает любить. Но совѣтско-коммунистическая свобода совсѣм иная. Это совсѣм не есть свобода выбора, свобода повернуть направо и налево, свобода что угодно говорить и печатать, свобода судить по своей личной совѣсти. Марксизм всегда по Гегелю понимал свободу, как осознанную необходимость. Коммунистическая

свобода есть свобода реализовать энергию в коллективном социальном действии, коллективно изменять жизнь, русскую и мировую, и непременно реализовать энергию и изменять жизнь в известном направлении, в связи с известным пониманием истины, с определенной доктриной. Это есть свобода под диктатурой определенного мирозерцания, из которого нельзя вынуть ни одного камня. Коммунистическая свобода не дает ни малейшей свободы тем, которые уклоняются от едино-спасающей веры, от единственной истинной доктрины, она лишает своих противников всех человеческих прав. Свобода должна служить коммунистическому государству и ортодоксальной коммунистической вере. Свобода понимается, как социальная активность. Формально это есть возврат к средневековому пониманию свободы против понимания ренессансного и гуманистического. Советская Россия по своей структуре близка к московскому православному царству. То же понимание свободы мы встречаем у национал-социалистов. Строители Третьяго Рейха тоже чувствуют себя свободными. Свобода дается познавшим истину, истину коммунистическую или истину национал-социалистическую. Это есть извращение истины, возвращенной Евангелием. И это симптом конца новой истории. Литература и искусство, действительно, более свободны в Советской России, но в отношении к мысли, философской, религиозной и социальной, существует настоящий террор. Невозможно даже малейшее уклонение от генеральной линии коммунистического мирозерцания, вырабатываемого коллективно, контролируемого центральными органами партии. Есть ли хоть малейшая свобода мысли для Троцкого или Каменева, заслуги которых перед революцией немалы? Может ли себя выразить философская мысль не материалистическая?

Мы живем в эпоху глубокого кризиса свободы. Свобода изолгалась, не исполнила своих обещаний и она агонизирует в современном мире. За современной реакцией против свободы стоят огромные движения масс, которые выступили на авансцену истории. Свобода, как ее понимали в XIX веке, свобода «либеральная» была неблагоприятна для масс, она давала привилегии меньшинству. Роковым для нашей эпохи является тот

факт, что свободу, старую формальную свободу, защищают банкиры и капиталисты, которые видят в свободе охрану своих привилегий. Защита же свободы интеллектуальной элитой Европы, переживающей смертельный кризис, есть защита безсодержательной, скептической свободы, которая не обоснована никакой истиной и не во имя истины утверждается. Этот кризис свободы и это двусмысленное ее положение очень благоприятствуют фашизму и коммунизму. Истинная свобода не есть то, что под ней понимают старый гуманизм, либерализм и индивидуализм, но не есть и то, что под ней понимают русский коммунизм и еще меньше, конечно, фашизм. Только духовное понимание свободы, предполагающее в человеке элемент независимый от государства и общества, может спасти свободу. Европейские писатели, пытающиеся защитить свободу и культуру, живут в умирающем мире буржуазной цивилизации, в котором либеральные и индивидуалистические идеологии окончательно выветрились и потеряли всякую силу. По естественной реакции против собственного мира они обращаются к вновь образуемому в России миру, обнаруживающему огромную витальную силу, необычайно динамическому. Они думают, что в этом далеком и непонятном, но влекущем их мире Востока раскроется новая свобода, не старая опустыленная свобода, которая лишь мешает творческому изменению жизни, а свобода способная изменить лицо мира. Так понятны иллюзии, которые тут возникают, понятны иллюзии А. Жида или А. Мальро, который ищет иного, возбуждающего его мира то в Китае, то в России. Безграничная свобода слова и мысли французских писателей перестала быть ценностью, она перестала даже ими ощущаться. Ощущается лишь одиночество, ненужность, истощенность и пресыщенность. Утонченные французские писатели хотят омолодиться через прививки юной коммунистической России. Мальро, который произнес самую талантливую речь на съезде, склонен, повидимому понимать свободу, как согласие с окружающей социальной средой. Это значит, что под свободой он понимает выход из одиночества, преодоление сознания своей нужности для масс и способность слияния с ними. Такое понимание свободы объяснимо психологически, но оно означает

полное непонимание того, что значит свобода. Кроме умирающей либеральной и индивидуалистической свободы и торжествующей коммунистической свободы есть еще вѣчная свобода и ее подобает защищать представителям слова и мысли. Это свобода пророческая и она связана с пророческой миссией слова и мысли.

Люди слова и мысли, подлинные дѣятели культуры, должны чураться государства, как чумы. Государство может дѣлать что-нибудь из двух — или преслѣдовать и утѣснять писателей и мыслителей, дѣлать их мучениками, или покровительствовать им, подкупать их, превращать их в своих слуг и этим деморализовать их. Идея социального служения литературы и искусства, как и мысли и познания, идея, в которой я вижу большую истину, утерянную европейской элитой, ничего общего не имѣет с исполнением социального заказа государственной власти. Это есть вольное, пророческое служение. Великая русская литература XIX вѣка была полна сознанием долга социального служения. Но она была велика именно потому, что то был ея вольный пророчизм. Великая литература и великая мысль, великое творчество всегда есть не-конформизм, всегда основаны на конфликтѣ с окружающим миром. Конфликт есть источник творчества. Это есть конфликт безконечнаго с конечным. Это — вѣчная истина, это относится не только к буржуазной эпохѣ европейской цивилизации. Так всегда было и всегда будет. Тоталитарная система коммунизма и фашизма требует конформизма, согласования безконечнаго с конечным, не допускает никакого конфликта. Трагическій конфликт со средой, с обществом, которое всегда есть затвердѣвающее конечное, есть вѣчная судьба творца. Такова была судьба величайших в истории мира. Это судьба ветхозавѣтных пророков, Сократа, Данте, Микель Анжело, Бетховена, Л. Толстого, Достоевскаго и Ибсена, Кирхегардта и Ницше. Судьба эта связана с пророческим служением людей слова и мысли, с притяжением божественной безконечности. Их угнетали всѣ социальные классы, угнетала аристократія, буржуазія и будет угнетать рабочий класс в период своей побѣды, их будет угнетать и единое без-

классовое общество, т.-е. всякая организованная социальная обыденность. Надежда на то, что этого угнетения не будет в грядущем совершенном обществѣ, есть вмѣстѣ с тѣм надежда на исчезновение человѣческаго генія. Профетическій тип вѣчно его отрицают всѣ современные тоталитарныя государства и общества, требующія принудительнаго единства. Достоевскій выразил вѣчную истину, когда он хотѣлъ взорвать всѣ «хрустальные дворцы», всѣ социальныя утопіи земнаго рая. Трагическаго конфликта не будет лишь в Царствѣ Божьем.

Пророк — одинок, он находится в конфликтѣ с религіозным и социальным коллективом, с окружающей социальной средой, он преслѣдуется и побивается камнями, и вмѣстѣ с тѣм он глубоко социален, он обращен к судьбам общества, народа, человечества, постоянно их судит, обличает настоящее и прозрѣвает грядущее, он проникает в тайну судьбы, которая не может быть рационализирована. Пророк слышит голос Божій, голос своей совѣсти, он никогда не слушает голоса общества, народа, коллектива, еще менѣе государства. Профетизм противоположен всякому конформизму, всякому приспособленію к средѣ. Профетическій тип существует не только в религіозной жизни, гдѣ он отличается от типа жреца и священника и всегда противостоит религіозному коллективу, он существует и в искусствѣ, и в философіи, и в социальном реформаторствѣ. В Марксѣ было профетическое начало, он жил в конфликтѣ с окружающим міром. Этого начала болѣе нѣтъ у марксистов и коммунистов, и они хотѣли бы истребить его окончательно. Творец профетическаго типа в сущности никогда не может быть вполнѣ лоялен в отношеніи к какому-либо обществу и государству, он не принадлежит ничему конечному, он принадлежит лишь Богу, лишь истинѣ и правдѣ, которым его научает внутренній голос. Он в особом смыслѣ анархист, хотя это не значит, что он непремѣнно вѣрит в анархическую утопію безгосударственнаго существованія. Но пророк принадлежит Царству Божьему, а не царству кесаря, хотя бы оно признавалось священным. В дуализмѣ, который всегда защищает Ж. Бенда, есть большая доля истины, хотя я бы его иначе формулировал, чѣм он. Дуализм этот не означает автономіи ин-

теллектуальной сферы, изолированной от полноты жизни, он означает существование в человеке духовного начала, возвышающегося над социальным миром и от него не зависящего. Это духовное начало должно овладевать социальным миром, но всегда встречает страшное сопротивление царства кесаря. Жуткое одиночество культурной элиты Европы совсем не было профетическим одиночеством, оно, наоборот, было связано с полной потерей идеи служения, идеи призвания, оно означало, что голос свыше перестали слышать. Профетизм глубоко социален, в этом его существенный признак, и вместе с тем он противоположен всякому конформизму, он в конфликте и героической борьбе, он есть обличение того народа, которому призван служить. Профетизм революционен в глубочайшем смысле слова. Нет ничего менее революционного, чем современные деятели слова и мысли. Они по положению своему принуждены быть оппортунистами и отстаивать, как могут, крохи свободы. Нет ничего революционного в советских писателях. Нет уже ничего революционного в Сталине и его сотрудниках. Влекомый высшей силой, он способствует консолидации русского народа, выходящего из состояния хаоса. Сейчас в России та же гипертрофия государства, давящая на народ, которая была во всей русской истории. В России происходят сейчас очень элементарные процессы приобщения к цивилизации и к социальной активности огромных масс народа, которые были безграмотны, политически безправны и экономически угнетены. Это процесс положительный, но в нем нет творческой новизны. Необходимо принять социальные результаты революции и исходить из них, но трудно принять ее духовные и интеллектуальные результаты.

Возможно, что для социального перерождения мира необходимо будет пройти через диктатуры. Вряд ли можно победить скрытую диктатуру денег, безработицу, вооружения народов друг против друга путями либеральной демократии. Но интеллектуальный слой всех стран, люди слова и мысли, сохранившие в себе хоть искру профетического духа, должны вести героическую борьбу против того, что я назвал диктатурой мирозерцания, диктатурой над духом, над словом и

мыслью, над совѣстью людей, бороться за свободу духа. Эта диктатура одинаково существует в фашизмѣ и в коммунизмѣ. Можно защищать и осуществлять правду социализма, защищать трудящихся, сохраняя свободу духа, независимость и достоинство слова и мысли. Сторонники диктаторіального государства требуют не только признанія созданнаго ими режима и прекращенія борьбы против него, они требуют всецѣлаго отданія им человѣческих душ и совѣсти. В Россіи мало признать совѣтскій строй, мало быть коммунистом, нужно обожать Сталина, как в Германіи обожать Гитлера. Отказывающій в этом обожаніи трактуется как измѣнник. Мы переходим к эпохѣ, когда массы требуют абсолютнаго признанія своих вождей. И положеніе тѣх, которые в вождях не нуждаются, очень трудное и мучительное. Их принуждают оказывать хотя бы внѣшніе признаки подчиненія и почитанія. Этого требуют от мысли и творчества. А Жид хочет спастись, соединив свой индивидуализм и свою утонченную культуру прошлаго с коммунизмом. Он хочет избѣжать участи интеллектуальнаго слоя в русской революціи. Но этот коммунизм, коммунизм интегральный и тоталитарный, требующій себѣ абсолютной покорности, с Жидовским индивидуализмом не соединим. Это раньше или позже выяснится. А Жид в сущности хочет того, что я сам утверждаю уже ряд лѣтъ и что я называю персоналистическим социализмом. Персоналистическій социализм означает для меня созданіе безклассоваго общества и социализированнаго хозяйства, исключая возможность эксплуатаціи человѣка человѣком, но при признаніи верховной цѣнности всякой человѣческой личности, ея духовной свободы и ея права реализовать полноту своей жизни. К этому близко движеніе «Esprit». При этом тоталитарность мыслима лишь в личности, как экзистенціальном центрѣ, а не в обществѣ и не в государствѣ, которыя всегда частичны и конечны. Только в личности раскрывается безконечность. По сложным философским основаніям я употребляю выраженіе персонализм, а не индивидуализм, который скомпрометирован буржуазной эпохой новой исторіи. Конкретному эмпирическому коммунизму это не соответствует, для него верховная цѣнность не человѣкъ, а общество, не индивидуальное, а

общее, для него коллектив большая реальность, чѣм личность, для него рационализированное конечное закрывает таинственное бесконечное.

Вот еще, что меня поразило в рѣчи А. Жида. До чего она французская по своему мышлению и темам и до чего трудно ее перевести на мышление и темы русскія! Жид противопоставляет искусственности и лжи естественность и правдивость. Он видит в русском коммунистическом мірѣ эту естественность и искренность, которыя его радуют. Он утомлен ложью и искусственностью своего собственного міра. Но слѣдует вспомнить Россію XIX вѣка. Вся великая русская литература была проникнута искренностью, простотой и естественностью. Это не коммунистическое, это русское. Только в началѣ XX вѣка в утонченной культурной элитѣ, связанной с символистическим течением, было чувство оторванности и изолированности, разрыв с социальным цѣлым. В XIX вѣкѣ у русских писателей было сознание долга и служенія, профетическаго служенія. Это — русское, а не специально коммунистическое. Вспомним «Что такое искусство?» Л. Толстого. Россія XIX вѣка в значительной степени стояла под знаком народническаго социализма. У нас не было настоящей буржуазіи, убѣжденной в своей правотѣ, не было буржуазной идеологіи. Русская интеллигенція, дворянская и разночинная, никогда не была буржуазной. Отвращеніе к буржуазности, к буржуазному духу есть специфическій русскій мотив. Все русское мышление и русское творчество XIX вѣка было проникнуто стремленіем к цѣлостности, к тоталитарности и противопоставляло ее западной разсѣченности и рационализму. Не только народники-социалисты, но и славянофилы, Толстой, Достоевскій, русская философія были проникнуты этим духом. Русская тема иная, чѣм тема западная. Это нужно понять и это плохо понимают писатели Запада, которые своеобразіе Россіи склонны приписывать исключительно коммунизму.

Николай Бердяев.